

0255

1914-1915 г.г. № 1-26 37.11

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

1915 № 26

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІИ
И ЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

СОДЕРЖАНИЕ № 26.

Отъ Редакци.

- М. Новорусскій.** „Совокупность звеньевъ“ (статья).
П. Зайнинъ. „Искатель“ (разсказъ).
Сергѣй Городецкій. „Чистая случайность“ (разсказъ).
Маріэтта Шагинянъ и Д. Нрючновъ. „Страничка стиховъ“.
Л. Берманъ. „Мушка на шекѣ“ (статья).

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И:

- Л. Бруни.** „Рисунокъ“ (стр. 4).
Г. Верейскій. „Рисунокъ“ (стр. 16).
Л. Квятковскій. „Изъ альбома художника“ (стр. 5 и 7).
Милашевскій. „Рисунки“ (стр. 3 и 12).
М. Нечитайло-Андреевнн. „Рисунокъ“ (стр. 14).
А. Соболева. „Портретъ“ (стр. 9).
А. Щенотихина. „Рисунки“ (стр. 11 и 13).
Фотографія. „Обучение волонтеровъ въ Канадѣ“ (стр. 1).

Адресъ Редакци: Лиговская, 114, кв. 2, тел. 20-01. Приемные часы: по вторн. отъ 3-хъ до 6-ти. Рукописи, присылаемые въ Редакцию, должны быть четко написаны, черезъ страницу. На отвѣтъ прилагаются почтовые марки. Непринятые рукописи хранятся въ течение мѣсяца, послѣ чего уничтожаются.

При семъ № разсылается подписчикамъ 10-й выпускъ полного собранія сочиненій **ЛЪВА ТОЛСТОГО**, содержащій романъ „**ВОЙНА и МИРЪ**“ (продолженіе).

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе:

Въ литературномъ отдѣлѣ:

Г. Адамовичъ, С. Андреевскій, Анна Ахматова, С. Ауслендеръ, Г. Бароновъ, В. Бестужевъ, Л. Берманъ, А. Блокъ, В. Богучарскій, Н. Бородинъ, Н. Бруни, В. Брусянинъ, З. Венгерова, Б. Верхоустинскій, Б. Веселовскій, Л. Галичъ, В. Гиппиусъ, З. Гиппиусъ, Г. Георгиевскій, С. Городецкій, Л. Добронравовъ, Н. Долговъ, Сергѣй Есенинъ, Борисъ Зайцевъ, И. Зейлингеръ, В. Ирецкій, Р. Ивневъ, В. Каратыгинъ, В. Карачарова, А. Нарташевъ, Н. Коробио, В. Кохановскій, Антонъ Крайни, Д. Крачковскій, Борисъ Кремневъ, Д. Крючковъ, М. Курчинскій, О. Ларинъ, Д. Левинъ, Н. Лернеръ, О. Мандельштамъ, Е. Мауринъ, А. Мейеръ, Д. Мережковскій, Д. Митрохинъ, М. Моравская, М. Новорусскій, Я. Окуневъ, І. Орбели, Е. Псковитиновъ, А. Ремизовъ, В. Ропшинъ, А. Ростиславовъ, Е. Семеновъ, М. Славинскій, Ю. Слезинъ, Ю. Слонимская, Андрей Соболевъ, К. Сокоповъ, П. Соловьева (Allegro), В. Соловьевъ, А. Тиняковъ, А. Толмачевъ, О. Форшъ, А. Чапыгинъ, Георгій Чулковъ, М. Шагинянъ, Викторъ Шиловскій, К. Эрбергъ, Н. Ястребовъ и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ:

Н. Альтманъ, А. Арнштамъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Л. Бруни, Г. Верейскій, А. Гроссъ, М. Добужинскій, С. Ереминъ, А. Иванова, Л. Квятковскій, Коровкинъ, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, П. Митуричъ, М. Нечитайло-Андреевнн, Б. Поповъ, Б. Позень, Е. Псковитиновъ, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соболева, С. Чехонинъ, Щенотихина, В. Яннауреръ, С. Яремичъ и др.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полного собранія сочиненій **Л. Н. ТОЛСТОГО** съ пересылкой—8 р. 50 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го июня—2 р., къ 1-го августа—1 р.
Цѣна за 6 мѣс.—4 р. 25 к., за 3 мѣс.—2 р. 12 к.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ (безъ книгъ полного собранія сочиненій **Л. Н. ТОЛСТОГО**).
Съ пересылкой: за годъ—4 р. 50 к., за 6 мѣс.—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к. Разсрочка допускается: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-го июня—2 р.

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать **СТАРЫЙ АДРЕСЪ** и **ТРИДЦАТЬ (30)** коп. почтов. марками. Заявленія о неполученіи очередного номера необходимо дѣлать тотчасъ по полученіи номера, слѣдующаго за неполученнымъ. Позднѣйшія заявленія удовлетворены быть не могутъ.

**Гг. ПОДПИСЧИКИ, БЛАГОВОЛИТЕ
СОХРАНЯТЬ АДРЕСА**
наклеиваемые на оболочку номеровъ журнала, и **ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИЛАГАЙТЕ ихъ ко ВСѢМЪ ЗАЯВЛЕНІЯМЪ**, какъ напр. къ письмамъ о перемѣнѣ адреса, о неполученіи очередныхъ номеровъ, къ денежнымъ переводамъ и проч. Это условіе чрезвычайно ускоряетъ всякія справки и способствуетъ **быстрому удовлетворенію требованій.**

ПЛАТИНУ 3 руб. покупаю по 20 р., а также монеты. Спиритъ покупаемыхъ монетъ выс. 75 к. Каталогъ цѣнъ монетъ выс. 1 р. 25 к. Н. П. Пылаевъ, г. Симбирскъ.

Большой выборъ книгъ
въ Акціонери. Общ. Издательства
А. А. НАСПАРИ, Петроградъ, Лиговская ул. № 114.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
отъ первыхъ памятниковъ литературы до послѣднихъ дней нынѣшней эпохи.

Наше изданіе „Исторія русской литературы“ имѣетъ въ виду дать бѣглый обзоръ общаго хода ея развитія. Наибольшее мѣсто отведено литературѣ сравнительно новѣйшей, такъ называемымъ предпушкинскому, пушкинскому и послѣдующимъ ея периодамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности полно представлена и предшествовавшая этимъ периодамъ литература. Большой томъ въ **500 страницъ** четкой убористой печати.
Цѣна съ пересылкой **ОДИНЪ рубль ПЯТЬДЕСЯТЬ коп.** (1 р. 50 к.).
Требованія адресуются Акціонерному Обществу издат. **А. А. НАСПАРИ**, Петроградъ, Лиговская ул., 114, и Садовая ул., 20.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

0255

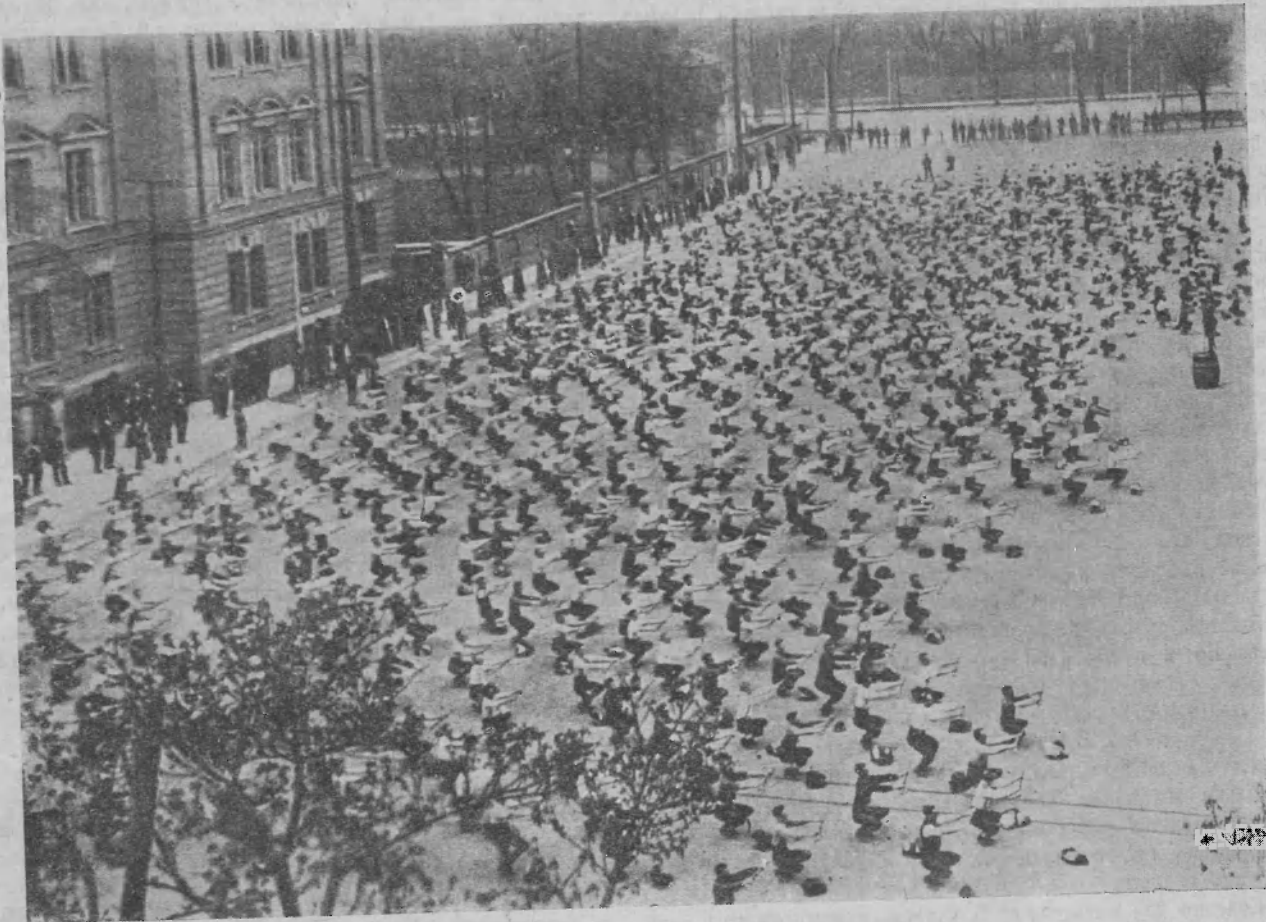
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

издаваемый Акц. Общ. Издательства А. А. Каспари въ Петроградѣ, при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Петроградъ.

№ 26

24 іюня 1915 г.

Обученіе волонтеровъ въ Канадѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Съ настоящаго—26-го—номера изданіе журнала «Голосъ Жизни» прекращается. О способахъ удовлетворенія подписчиковъ см. объявленіе Издательства на вкладкѣ.

Ред.

М. НОВОРУССКІЙ. СОВОКУЩНОСТЬ ЗВЕНЬЕВЪ.

Разумѣются техническія и промышленныя звенья.

Никогда еще мы не получали столько полезныхъ практическихъ уроковъ, сколько получаемъ теперь. Никогда мы не удѣляли столько вниманія вопросамъ: что, гдѣ, какъ, изъ чего получается и откуда привозится?—сколько удѣляемъ теперь. Никогда еще у насъ не бывало столько разныхъ справочныхъ бюро, сколько ихъ имѣется теперь.

Люди, никогда не интересовавшіеся ничѣмъ, кромѣ того, что соприкасалось съ ними непосредственно, вдругъ проснулись, чувствуя повсюду „разстройство координаціи“ промышленныхъ функций. Проснулись и ищутъ, увеличивая всюду тревогу и возбужденіе и усиливая вниманіе ко всѣмъ деталямъ разстроеннаго механизма.

Если мы возьмемъ ту область, въ которой работаетъ наша пишущая братія, то здѣсь, какъ и повсюду, каждый знаетъ одно свое специальное дѣло. Читатели, если они читаютъ насъ съ интересомъ, не видятъ буквъ, оттиснутыхъ краской на бумагѣ. Они видятъ только тѣ мысли, которыя пробуждаются въ ихъ мозгу подъ влияніемъ различныхъ буквенныхъ сочетаній. Тѣмъ болѣе они не видятъ тѣхъ сложныхъ трудовыхъ процессовъ, которые во многихъ мѣстахъ совершаются разрозненно прежде, чѣмъ буквы войдутъ въ комбинацію съ бумагой.

Этихъ процессовъ въ большинствѣ случаевъ не знаютъ и сами писатели. Но и техники печатнаго дѣла, которые должны выполнить и довершить писательскій трудъ, не знаютъ полностью всего своего производства. Одни работаютъ въ словолитнѣ, другіе—въ красильномъ дѣлѣ, третьи—въ бумажномъ. Но и здѣсь одни заняты въ начальныхъ операціяхъ процесса (напримѣръ дробленіе древесины), другіе—въ конечныхъ (напр. проклейка бумаги, полученной изъ древесины).

А вотъ теперь всѣ мы, не знавшіе другъ друга, поработавшіе въ общемъ большомъ дѣлѣ, постепенно познаемъ, насколько мы тѣсно связаны другъ съ другомъ и какъ близко касается каждаго изъ насъ разстройство функций, происшедшее гдѣ-то вдали отъ насъ, и, казалось, въ чуждой для насъ области.

Конечно для писателя прежде всего нужны бумага и перо съ чернилами. (О бумагѣ будетъ рѣчь далѣе.) Ну, кто изъ насъ интересовался фабричнымъ клеймомъ на перѣ? Не все ли равно, откуда оно привезено къ намъ: изъ Бирмингама, Хемница или изъ Риги? А вотъ теперь оказывается, что не все равно. Бирмингамъ затрудненъ до крайности, а Хемницъ совсѣмъ закрытъ. Что, если перьевъ не окажется для нашихъ школьничковъ?

Первая мысль: будемъ дѣлать перья сами. Но вотъ здѣсь-то и начинается совокущность звеньевъ.

Не можемъ дѣлать, потому что нѣтъ станковъ, необходимыхъ для этого. А если добудемъ станки, тоже не можемъ дѣлать, потому что нѣтъ ленточной стали такого образца, какой нуженъ для этого. А если захотимъ дѣлать такую ленточную сталь, то опять столкнемся съ новымъ затрудненіемъ: нѣтъ станковъ для этого.

Чернила... Увы, наши бюрократическія сферы, состоявшія

когда-то изъ чернильныхъ душъ, не позаботились о томъ, чтобы чернила у насъ были свои собственныя и всегда въ достаточномъ количествѣ. Не менѣе мильона фунтовъ ихъ мы получали изъ-за границы. И чѣмъ будутъ писать теперь тѣ многочисленные „писатели“, которые, за истощеніемъ запасовъ, не сумѣютъ получить этотъ мильонъ фунтовъ?

Придется ѣхать въ дубовые лѣса, собирать тамъ чернильные орѣшки и готовить дома чернильную жидкость, какъ это дѣлалъ мой покойный родитель въ глухой деревнѣ еще въ 60-хъ гг. Приготовлять же настоящія чернила, это—дѣлая цѣль затрудненій. Нуженъ ализаринъ, нужны анилиновые краски разныя, нуженъ отваръ кампешеваго дерева, нуженъ хромовокислый калий, и еще кое что. А чтобы получить каждое изъ этихъ веществъ, нужна опять какая-нибудь сложная сѣтъ химическихъ реакцій надъ веществами, которыя у насъ точно такъ же негдѣ достать.

И, въ то время какъ торговцы заграничными чернилами напрягаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы получить свой товаръ изъ Швеціи и Англии, наши отечественные фабриканты чернилъ напрягаютъ еще большія усилія на то, чтобы получить отсюда же кой-какіе химическіе элементы, безъ которыхъ у нихъ стало все дѣло.

И, когда мы привычною рукою набрасываемъ чернильныя строки на бумагу, вспомнимъ ли мы о той массѣ нашихъ сотрудниковъ, которые содѣйствовали тому, что это перо и эти чернила оказались въ нашихъ рукахъ? Прежде мы никогда не думали о нихъ. Теперь же, благодаря войнѣ, мы вынуждены вспоминать о нихъ чаще и чаще и такимъ образомъ начинаемъ постепенно выяснять, какъ много у насъ этихъ сотрудниковъ.

Все это въ такой же точно мѣрѣ приложимо къ печатанію и ко всѣмъ тѣмъ процессамъ, которые составляютъ его и тѣсно связаны съ нимъ.

Въ типографіи нехватаетъ буквъ. Купить ихъ или заказать ихъ очень трудно, потому что главная составная часть типографскаго мегалла—свинецъ, отсутствуетъ въ Россіи. Въ мирное время его ввозилось на 7 мил. руб. И та незначительная часть, которая будетъ ввезена, немедленно будетъ поглощена войной. Такимъ образомъ,—если намъ нехватитъ буквъ въ типографіи, чтобы напечатать нѣкоторыя наши строки избраннѣйшими нами шрифтомъ, мы должны озаботиться разработкой собственныхъ свинцовыхъ рудниковъ. А ихъ у насъ имѣется немало. И вопросъ о печатаніи такимъ образомъ по необходимости упирается въ горное дѣло, которое повидимому не имѣетъ съ нимъ ни малѣйшей связи.

Связь эта конечно всегда была и прежде. А теперь исключительныя условія вскрываютъ ее воочию предъ всѣми.

Буквы конечно нужно покрывать краской. Одно время, осенью, казалось, что отсутствіе этой краски, за прекращеніемъ привоза, остановитъ все наше книгопечатаніе. Тогда самъ собой всталъ вопросъ:

„Что же это за краска, которую сами мы не умѣемъ дѣлать?“

Краска, разумѣется, не хитрая,—сажа на маслѣ. Но и

сажу эту, и масло нужно умѣть сдѣлать. Тутъ каждому предоставлялось размышлять на тему: что есть сажа? И почему одна сажа годится для дѣла, а другая даетъ только мазанья строки, неудобочитаемыя, потому что буквы получаютъ расплывчатая и сливаются одна съ другой.

Оказывается, что жечь нужно для этой сажи не дрова и не каменный уголь, а какую нибудь чистую углеродистую жидкость, которая не даетъ никакой другой возгонки, кромѣ углерода. Не менѣе тщательно нужно приготовить и самую олифу, съ примѣсью другихъ химическихъ веществъ. Словомъ, мы опять въ области химии и сопряженныхъ съ ней химическихъ затрудненій. Здѣсь всегда два вещества неизмѣнно сдѣлаются съ другими и не могутъ обойтись другъ безъ друга.

Бумажное дѣло и бумажныя затрудненія еще сложнѣе. Тутъ вѣдь мы начинаемъ издалика, т. е. съ живого, матеріала дерева, съ дремучихъ лѣсовъ и съ содѣйствія дровосѣка и сплавщика лѣса. А потомъ, путемъ сложныхъ химическихъ процессовъ, превращаемъ огромное бревно въ рыхлую, нѣжную и бѣлую бумажную массу (целлюлозу). Целлюлозные заводы могутъ стоять въ глухихъ лѣсахъ, очень далеко отъ городскихъ центровъ, въ которыхъ пишутъ писатели и печатаютъ типографіи. Вдали и отъ бумажныхъ фабрикъ, которыя регулярно получали отъ нихъ готовую бѣлую целлюлозу и больше нисколько не интересовались другъ другомъ.

И вдругъ заминка. Фабрикамъ говорить, что въ целлюлозѣ недостатка не будетъ, но неудобно ли вамъ получать

ее въ небѣдномъ видѣ, такъ какъ хлорной извести, которая нужна для бѣленія, больше нѣтъ.

Вы можете конечно изготовлять сами эту хлорную известь. Но изучите сначала это дѣло, которое, какъ вы думали, не имѣетъ никакого отношенія къ писчебумажному производству. Только прежде всего поищите, гдѣ можно найти вещества, необходимыя для производства хлорной извести.

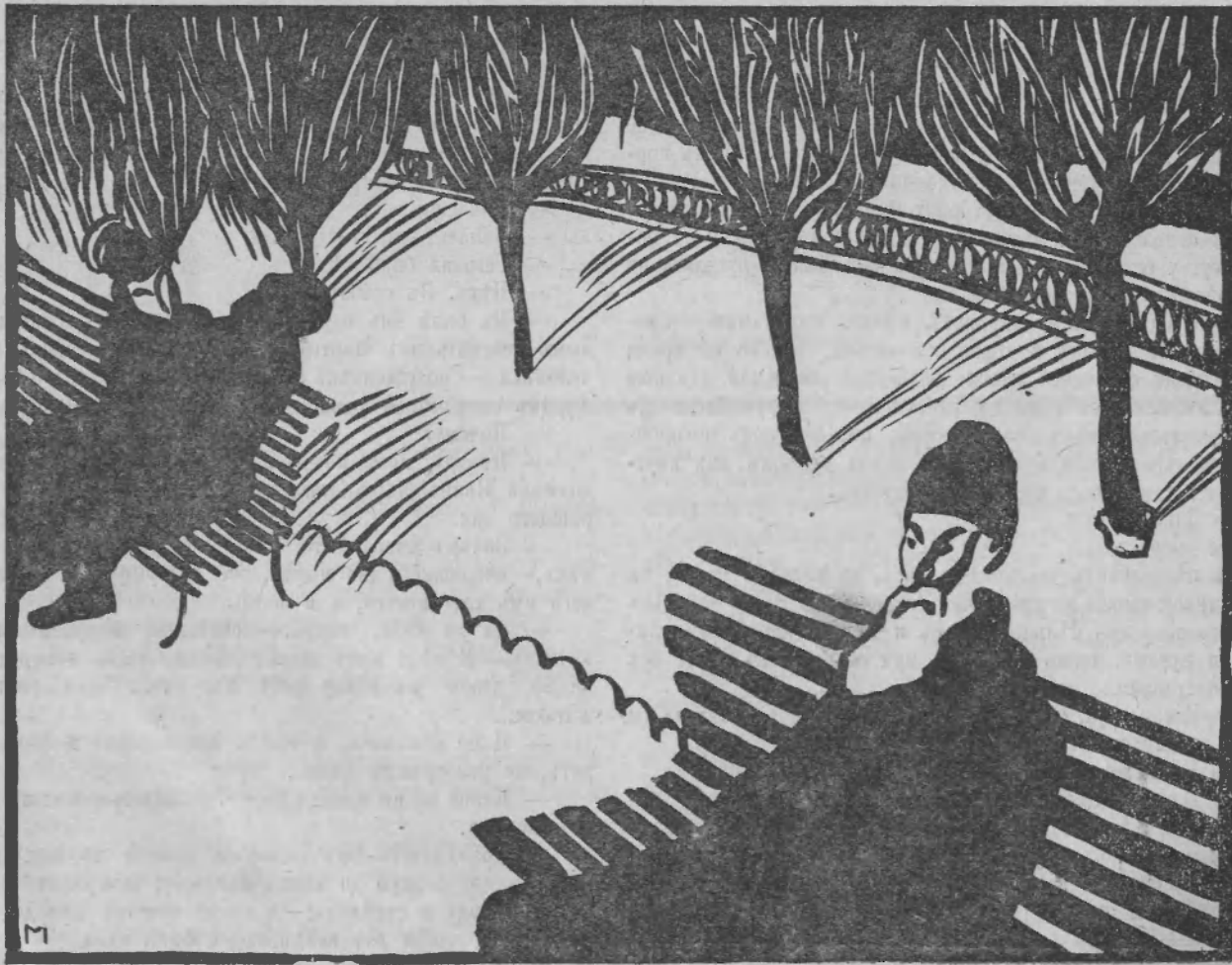
Въ свою очередь бумажныя фабрики, даже снабженныя выбѣленной целлюлозой, испытываютъ другія затрудненія, тоже химическаго характера. Имъ недостаетъ то одного вещества, то другого, для проклейки бумажныхъ листовъ и для окончательной ихъ отдѣлки. Для разныхъ сортовъ бумаги употребляютъ различныя вещества. И потому тѣ сорта бумаги, для которыхъ недостаетъ чего нибудь въ производствѣ, постепенно исчезаютъ изъ продажи.

Нечего и прибавлять, что всякая цвѣтная бумага, идущая на обложку книгъ и журналовъ, имѣетъ свою добавочную химию, химию красокъ, и свое добавочное сдѣлание неожиданныхъ комбинацій.

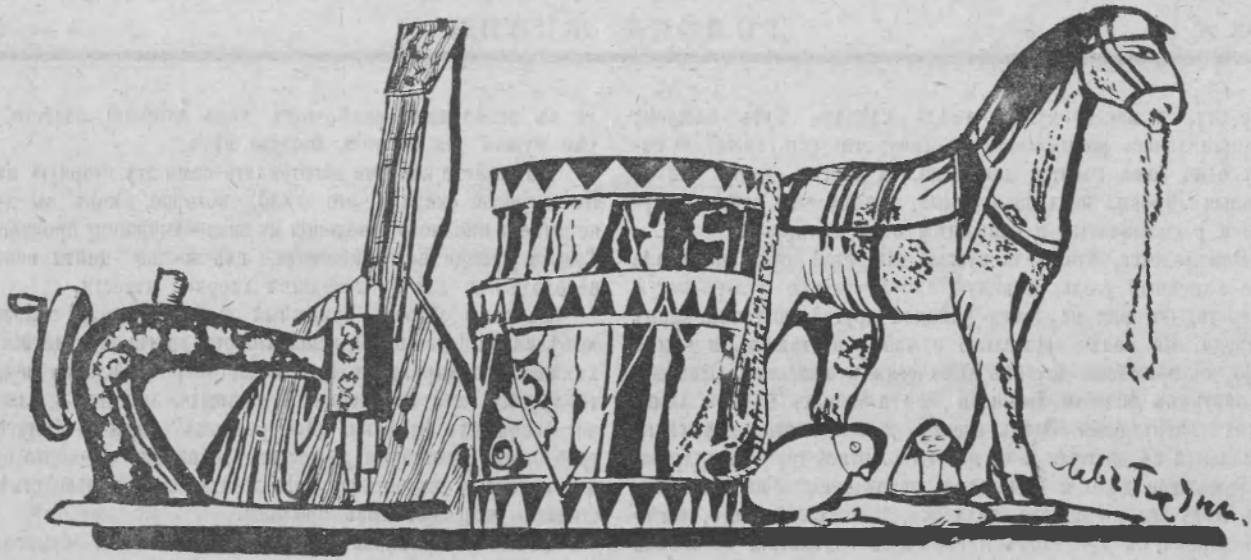
И всю эту неожиданность, шагъ за шагомъ, вскрываетъ предъ нами великая война, которая является въ то же время и великимъ учителемъ.

Не думаете ли вы, что отъ этой войны выиграютъ больше всего тѣ народы, которые сумѣютъ лучше всѣхъ воспринять ея великіе, хотя и жестокіе уроки?

М. Новорускин.

Миланевскій. Рисунокъ.

П. ЗАЙКИНЪ.
ИСКАТЕЛЬ,

Было часовъ девять утра.

На песчаномъ островкѣ, поросшемъ курчавыми ивами, преграждавшими токъ воздуха, дѣлалось уже жарко, рѣка жестоко блестѣла на солнцѣ и слѣпила глаза, и безъ того утомленные послѣ безсонной ночи. Пора было уже кончать ловлю, но ерши, собравшіеся на нашу приваду, все еще понемногу брали, и мы съ лавочникомъ Мартынычемъ продолжали ловлю, убравъ лишь донныя удочки.

За протокомъ, по ту сторону островка, въ городкѣ колокола печально перезванивали въ какой-то церкви по покойнику, у берега прачки шлепали вальками и ругались на всю рѣку звонкими голосами.

— Куца Дудкина хоронять, вѣчная ему память,—говорилъ Мартынычъ и сталъ креститься, въ то же время подхватывая свободной рукой подпертое рогулькой удилице и вытаскивая изъ воды ошестившагося, согнувагося въ вопросительный знакъ ерша.—Ишь, шельма, подъ похоронный звонъ!—говорилъ онъ, вытаскивая крючокъ изъ внутренностей рыбешки.—Ну, иди въ сачекъ...

— Здравствуйте!

Мы обернулись.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, на желтомъ пескѣ, на фонѣ яркой ивовой листвы, стоялъ совершенно голый человѣкъ съ худымъ, очень бѣлымъ тѣломъ и такимъ загорѣлымъ лицомъ и руками, точно они были приставлены къ нему отъ другого туловища.

— Здравствуй, Федя,—отвѣчалъ Мартынычъ,—откуда ты взялся въ такомъ видѣ?

— Купамнись, переплылъ съ берега. Какъ рыба?

— Плохо. Заругаютъ насъ наши бабы,—шутилъ лавочникъ.—Всю ночь зря пропутались... Ты чего-жъ на похороны-то не пошежь? Чай, ваши тамъ?

— Наши тамъ, а мнѣ что-жъ... Померъ человѣкъ и Богъ съ нимъ, и безъ меня похоронять,—говорилъ голый субъектъ.—Нѣтъ ли у васъ покурить, Иванъ Мартынычъ?

— Въ лавкѣ сколько хощь, всѣхъ сортовъ, а здѣсь нѣтъ, не занимаюсь, попроси вотъ у барина, они—курящие...

Голый человѣкъ, стыдливо прикрывавшійся обѣими руками, какъ будто только теперь замѣтилъ меня:

— Одолжите, госнодинъ, папироску, порттабакъ въ одежѣ на берегу оставилъ.

Я далъ ему папироску, онъ закурилъ ее и опустился на песокъ, стараясь прикрыть свою наготу ногами. Нѣкоторое время помолчали, потомъ лавочникъ спросилъ его, перекидывая удочку съ мѣста на мѣсто.

— Качаешь?

— Качаю,—отвѣтилъ Федя.

— Сегодня бани нѣтъ?

— Нѣтъ. Въ субботу.

— Въ банѣ онъ служить, на водокачкѣ,—нашелъ нужнымъ пояснить мнѣ Мартынычъ, кивнувъ въ сторону голаго человѣка.—Сродственникъ онъ Овчинникова, баннаго хозяина, шуринъ евоный. А у насъ „искателемъ“ прозывается...

— Почему?

— Правду, молъ, какую-то все ищеть,—улыбаясь продолжалъ Иванъ Мартынычъ,—а кто говорить—просто вчерашняго дня.

— Зачѣмъ вчерашняго дня...—возразилъ голый человѣкъ,—вчерашняго дня ищуть, это которые сами не знаютъ, чего имъ требуется, а я знаю...

— Да я вѣдь, такъ...—поспѣшилъ поправиться лавочникъ.—Я вѣдь какъ люди... Люди, молъ, говорятъ... а не то, чтобы въ обиду тебѣ или что... Чего тебя обижать-то...

— Я не обижаюсь, а только неправильно и люди говорить, не разобравши дѣла...

— Какой же вы правды ищите?—заинтересовался я этимъ разговоромъ.

— Правды-то?—Онъ затынулъ полной грудью, поглядѣлъ на докуренную до конца папиросу, швырнулъ ее щелчкомъ на воду и отвѣтилъ:—а самой простой правды, единой, такой, чтобы для всѣхъ людей была одна.

И по тону его мнѣ стало сразу ясно, что лавочникъ правъ, что передо мной дѣйствительно сидитъ искатель ка-

Л. Квятковский. Из альбома художника.

кой-то единой правды, видимо любящий и привыкший говорить на эту тему.

— Развѣ правдѣ можетъ быть нѣсколько? Правда истина—всегда одна,—замѣтилъ я.

Федя усмѣхнулся съ видомъ человѣка, которому напередъ былъ извѣстенъ мой вопросъ, шлепнулъ себя по ляжкѣ, вымазавъ ее кровью раздавленного комара, и сказалъ:

— Никакъ нѣтъ, каждый за правду выдаетъ свое, что, то есть, ему интересно, оттого и правдъ много, а единой не сыскать.

— Поясните,—попросилъ я.

— Извольте-съ,—охотно согласился онъ.—Вотъ поглядите,—указалъ онъ на блестящую даль рѣки,—видите, пароходъ идетъ?

— Вижу,—отозвался я, глядя на разлитый силуэтъ бѣло-чернаго парохода, выкидывавшаго надъ водой безконечный хвостъ чернаго дыма.

— Это—буксиръ покойнаго купца Дудкина, вотъ что сейчасъ хоронятъ.

— Ну, такъ что же?

— А то, что вотъ на этомъ самомъ буксирѣ забасто-

вала прошлое лѣто команда. Пары выпустили, сошли на берегъ и заявили хозяину, что ежели онъ имъ прибавки не сдѣлаетъ, то они на работу не встанутъ, а тутъ цѣльный караванъ съ хлѣбомъ, и вода ужъ падаетъ: упусти два-три дня—такъ и сиди мѣсяцъ до воды, а у Дудкина условіе, потому хлѣбъ-то для военнаго вѣдомства. Вотъ и началъ онъ спориться съ командой. По-его выходило, что онъ платить больше не можетъ, потому фрахты конкуренціей сбиты до-нельзя, нефть подорожала, расходы большіе. Черезъ это ему обидно даже слышать, что тѣ говорятъ, потому идутъ, значить, противъ правды, которая, то есть, на его сторонѣ. А команда говорить, что хоша и нефть дорогая, и фрахты сбиты, но только имъ до этого дѣла нѣтъ, потому что и одежда также подорожала, и мясо, и табакъ, и квартиры,—значить, на житье нехватаетъ и черезъ то долженъ онъ имъ прибавку сдѣлать, потому что они на него работаютъ и безъ нихъ онъ ничего не представляетъ. И по-ихнему выходитъ, что правда не на его, а на ихней сторонѣ.

„Онъ же говоритъ:

„—Ладно, безъ васъ буксиръ не пойдетъ, это правильно, такъ и вы безъ буксира безъ хлѣба насидитесь. По-вашему,

вы, молъ, на меня зря работаете, богатство мнѣ сбиваете. А кто буксиръ-то строилъ? Кто работу ему ищетъ? Кто убытки несетъ? Такъ почему мнѣ и прибыли своей не получить. А вы, какъ въ убыткахъ не участвуете, то на мои прибыли не зарьтесь. На меня, молъ, никто не работалъ, наследства мнѣ не оставлялъ, а я съ мальчиковъ началъ, самъ до всего дошелъ...

„Ну, стали они перекоряться, каждый правду свою доказывать, однако пришлось купцу раскошелиться. Только я не объ этомъ, а что ни до чего о самой правдѣ они не договорились и каждый остался при своемъ, каждый полагаетъ, что правда на его сторонѣ.“

— А по-вашему, какъ?

— По-моему такъ, что ежели по чловѣчеству разсудить, то и рабочіе правы, и купецъ правъ, потому имъ обидно работать и на хлѣбъ до-сыта не имѣть; да и ему обидно, что хотятъ они отъ него взять, что противъ его расчета объ ихъ работѣ выходить, противъ его справедливости, въ карманѣ его считаютъ, а за убытки его отвѣчать не хотятъ.

— Чѣмъ же имъ отвѣчать, когда у нихъ, какъ вы сами говорите, на хлѣбъ даже нехватаетъ.

— Да, вѣдь, по-его, ему до этого дѣла нѣтъ, онъ не можетъ противъ другихъ.

— Значить, тогда дѣйствительно есть двѣ правды?

Голый чловѣкъ упрямо покачалъ головой.

— Никакъ нѣтъ, правда одна, а только не могутъ о ней люди столкнуться, и черезъ это вся обида промежду ними происходить.

— Вотъ онъ такъ всегда,—замѣтилъ лавочникъ, снова вытаскивая ерша.

Но Федя пропустилъ между ушей эту реплику и попросилъ еще папиросу.

— Давно вы этимъ вопросомъ интересуетесь?—полюбопытствовалъ я, прогибая ему портсигаръ.

— Порядочно ужъ,—отвѣчалъ онъ,—какъ свободы эти пошли, да какъ зачали люди по партіямъ дѣлиться. А до того я тоже насчетъ Бога интересъ имѣлъ...

— А именно?

— Да занятно для меня это было, какъ это всякая нація по-своему Богу молится и только своего Бога истиннымъ считаетъ, а остальные, молъ, такъ...

— Ну, и что же?

— Ну, читалъ я книжки, ходилъ по попамъ да по учителямъ, былъ у ксендза католическаго и у пастора лютеранскаго, и у муллы, и у раввина въ еврейскихъ.

— И что же?

— Ну, тутъ дѣло простое: каждый свою правду и здѣсь имѣетъ, а она одна налицо, то есть, Господь Богъ. Ну, я и успокоился, потому нашелъ, а вотъ насчетъ людской, то не могу найти и спокойствіе получить, и черезъ то все ишу.

— Что же, вы и по партіямъ также ходили?

— Обязательно ходилъ. Сначала у меня книжка такая была, гдѣ всѣ партіи были прописаны, какая чего добивается...

— „Программы партій“?

— Да.

— Ну?

— И ничего не понялъ, потому—сколько головъ, столько и умовъ, а чловѣкъ я малограмотный, только сельскую школу кончить. Пошелъ я къ одному барину эдеку, далъ онъ мнѣ на пятнадцать копеекъ книжекъ и сказалъ, что это

вполнѣ хватить. Дѣйствительно, прочелъ я и словно растуманилось у меня въ головѣ. До того стало ясно, почему и что въ жизни дѣлается, какъ на ладони, и порѣшилъ я, что правда у эдековъ. Только начались у насъ эти митинки, пошелъ я снова и слышу, какъ эдеки съ эсьерами спорять. Прислушался я къ эсьерамъ и опять стало загуманивать мнѣ голову, и то я вѣрилъ, что правда у эдековъ, а то, какъ послушалъ, то выходитъ, будто у эсьеровъ.

„Купилъ я себѣ на десять копеекъ эсьеровскихъ книжекъ, прочелъ ихъ и понялъ, что настоящая правда у эсьеровъ, а не у эдековъ, только ужъ сомнѣніе во мнѣ, какъ засѣло, то сталъ я пуще того по митинкамъ ходить, чтобы споры ихне слушать, а то въ книгахъ-то каждый свою правду хвалить, а другую хаетъ. И тутъ ужъ окончательно меня взяло сомнѣніе, какъ это такъ, ежели каждый по-своему, о народномъ счастьѣ понимаетъ и одинъ говоритъ одно, а другой—другое. Прошелъ я такимъ родомъ по всей своей книжкѣ: и у трудовиковъ побывалъ, и у кадетовъ, и у мирныхъ обновленцевъ, и у октябристовъ. И у всѣхъ своя правда есть, то есть вотъ по кусочку правды, будто взяли они ее и подѣлили промежъ себя, а такъ, чтобы подлинная правда, то ни у кого нѣту, потому всѣ другъ противъ друга и всѣ другъ друга оспариваютъ, и всѣ правы.“

„Особенно это вотъ на митинкахъ, какъ схватятся бывало эдеки, эсьеры да кадеты промежду себя, другъ друга буржуями обзываютъ: одни рабочихъ хвалятъ,—въ нихъ, молъ, весь свѣтъ земли, другие—крестьянъ, кадетовъ этихъ ниночѣмъ поносятъ, дармоѣдами называютъ, захребетниками. А тѣ отвѣчаютъ, что, молъ, все пошло отъ буржуевъ, отъ нихъ и грамота, и машины всякія, и вась-то, молъ, о себѣ мы же понимать научили, и по тюрьмамъ за васъ сидѣли... И выходитъ, что барину или хозяину безъ рабочаго да мужика плохо, да и тѣмъ безъ него далеко не уйти. А каждый стоитъ за свое и свое хвалить, у каждаго, значитъ, своя правда выходитъ, каждый своими глазами смотреть и не хочетъ видѣть, какъ другой. Побился, побился я съ ними...“

— Ладно!—перебилъ его лавочникъ,—закрывай, Федька, свою говорильню, намъ домой пора, не ловится ужъ, жара...

И онъ сталъ сматывать лески.

Голый чловѣкъ поднялся, сказалъ: „Прощайте!“—и, размазавъ у себя на ногѣ еще пару вшившихся въ его тѣло кровяныхъ комаровъ, скрылся въ зелени ивъ такъ же безшумно и незамѣтно, какъ и появился.

Дудкинскій буксиръ, тащившій огромную, грузно сидѣвшую въ водѣ по самымъ бортамъ барку, поравнялся наконецъ съ городомъ, далъ продолжительный, настроенный въ терцію, двойной гудокъ и медленно поползъ мимо насъ. Бѣлая пѣна кипѣла въ его колесахъ и два длинныхъ водяныхъ вала, точно два чудовищныхъ уса, тянулись отъ его носа черезъ всю рѣку и заставляли тихую воду биться о берега и играли лодками и бревнами плотовъ, словно клавишамъ.

На колесномъ кожухѣ буксира, полукружіемъ, четкими черными буквами по бѣлому фону было написано: „Геркулесъ“.

У самой трубы на мостикѣ видѣлся маленькіи черныи чловѣчекъ, который старательно вертѣлъ большое рулевое колесо, а другой такой же маленькіи чловѣчекъ, разставивъ ноги, стоя на бакѣ съ нефтью въ кормовой части буксира, развѣшивалъ по тяговому канату пестрое, видимо только что вымытое, цвѣтное крестьянское бѣлье. Больше людей на пароходѣ никого не было видно, и развѣзавшій рѣку

Л. Квятковскій. Изъ альбома художника.

на два водяныхъ ломтя острогрудый буксиръ казался живымъ, серьезнымъ и дѣловитымъ существомъ.

— Ишь, забаламутилъ рѣку,—замѣтили, глядя на пароходъ, Иванъ Мартынычъ.—Гдѣ-жь тутъ рыбѣ держаться?

А потомъ онъ снялъ шляпу, замахалъ ею въ воздухѣ и закричалъ изо всѣхъ силъ, отчего его лицо покраснѣло и надулись жилы на лбу и лысой головѣ:

— Лексѣй? Отчего хозяина не почитаете?

Человѣкъ, развѣшивавши бѣлье, оставилъ свое занятіе и сталъ смотрѣть въ нашу сторону.

— Обознался,—рѣшилъ лавочникъ,—видно это—кто другой, а я думалъ—помощникъ машиниста. Вотъ народъ,—добавилъ онъ,—хозяина хоронять, а они дуютъ мимо, какъ будто къ нимъ и не касается.

— Дѣло не ждать.

— И то,—согласился онъ и началъ собирать удочки.

Вслѣдъ за буксиромъ медленно проползла огромная баржа, у неуклюжаго руля которой стоялъ такой же маленькій человѣчекъ, уже совсѣмъ похожій на воробья, сидящаго на крышѣ, и рѣка больше никакихъ зрѣлищъ не общала. Мы собрали наши снасти и направились къ протоку, гдѣ насъ ожидала лодка.

— Видали нашего искателя?—разсмѣялся Иванъ Мартынычъ.—Совсѣмъ пустой человѣкъ.

— Почему же пустой?

— Да какъ же, правду какую-то ищеть, чтобъ въ нее всѣ люди сразу повѣрили. Какъ же это возможно! Кому что выгодно, то и правда. Каждый заботится о себѣ, чего же тутъ искать?

— Это онъ тоже понимаетъ, но думаетъ, что должна же быть одна общая для всѣхъ правда, вотъ и ищеть,—отвѣчалъ я.

— Да вѣдь зря. Черезъ это и отъ работы отбившись... Хорошо, что еще зять держать при конномъ насосѣ, что воду изъ рѣки въ бани тянетъ, а то-бъ нигдѣ ему не ужиться; за разговоромъ обо всякомъ дѣлѣ забудеть. Конечно, человѣкъ онъ тихій, мухи не обидитъ, ну, только насчетъ разговора страсть злой. Ежели бы я его давеча не остановилъ, онъ бы до вечера языкомъ трепалъ, потому обрадовался свѣжему человѣку, что комаръ. У насъ многие господа его знаютъ, и какъ повстрѣчаютъ, то въ первую улыбку сворачиваютъ, чтобъ только онъ говорить не началъ... По незнакомству-то оно ничего, всякій образованный человѣкъ съ нимъ въ охотку поговорить, ну, а какъ начнетъ онъ своей правдой каждый день доѣзжать, то конечно многие не выдерживаютъ.

— Однако онъ давеча очень скоро ушелъ...—замѣтилъ я.

— Онъ васъ еще найдетъ, — смѣясь отвѣчалъ лавочникъ, влѣзая въ лодку.

И онъ оказался правъ: вечеромъ мы снова встрѣтились съ Федей.

Я стоялъ у барьера набережной и смотрѣлъ на темную рѣку. По рѣкѣ въ темнотѣ плыла лодка, путь которой временами намѣчался огонькомъ вспыхивающей напироски. Въ лодкѣ тренькала гитара, и хриповатый, тронутый житейскими непогодами баритонъ, видимо бадаясь, пѣлъ подъ дружный хохотъ невидимыхъ пассажировъ невидимой лодки какую-то частушку.

Я невольно сталъ прислушиваться къ пѣнію, какъ изъ темноты выдвинулась робкая человѣческая фигура, которая вѣжливо сняла картузь и нерѣшительно освѣдомилась:

— Я вамъ не помѣшаю? Извините...

Это былъ Федя.

— Можно поговорить съ вами, господинъ? — робко освѣдомился онъ.

— Отчего же... О чемъ вы хотите говорить?

Оказалось, что все о той же „правдѣ“, не дававшей спокойно существовать этому ушибленному человѣку. Умъ Феде отказывался постичь противорѣчія жизни, съ которыми ему приходилось сталкиваться, и видимо мучительно искалъ выхода.

Облокотившись на барьеръ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ меня, онъ тихо и съ нѣкоторой таинственностью, временами оглядываясь по сторонамъ, заговорилъ:

— Вотъ есть въ баняхъ у насъ для господъ ожидающихъ газеты разныя... Ну, полежать день, а потомъ я беру себѣ читать, и, чѣмъ больше я, господинъ, ихъ читаю, тѣмъ больше у меня пуганица въ головѣ получается: о томъ же самомъ въ одной пишуть одно, въ другой—другое, а въ третьей—третье, и выходитъ, что каждый правъ только для себя, а одной правды и въ газетахъ не добьешься...

— Да вѣдь въ газетахъ тѣ же люди пишуть...

— Это само собой, а какъ же это все-таки, чтобы всѣмъ видѣть одно, а писать другое... И я вотъ все думаю, что это отъ того происходитъ, что всякій къ себѣ кусокъ тянетъ, всякій только о себѣ заботится. Каждый разсуждаетъ, что долженъ я быть сытъ и обутъ и уголь свой имѣть, и если человѣку посчастливилось хорошую часть урвать, онъ и доволенъ, и, по-его, больше ничего не надо, и пусть будетъ все, какъ есть... А другой только вотъ столечко отколушнулъ—и онъ уже недоволенъ и требуетъ себѣ еще, а третьему и совсѣмъ ничего не досталось, то онъ не можетъ умирать съ голоду и требуетъ, чтобы ему дали хоть его часть.

— Понятно, всякій ѣсть-то хочетъ...

— Совершенно вѣрно, а только возьмите вы отъ перваго и отдайте послѣднему его кусокъ, и сейчасъ онъ успокоится и будетъ говорить, что правда въ томъ, чтобы все оставалось навсегда, какъ сейчасъ, а первый будетъ кри-

чать, что нѣтъ въ этомъ правды, что его ограбили. А только такъ быть не должно, это—затмение.

— Почему?

— А вотъ-съ, извольте... — продолжалъ Федя, замѣтно оживляясь, видимо подходя къ своему козырному аргументу.— Вотъ извольте... Будьте столь любезны, господинъ,—извините за безпоконство,—скажите, что это такое передъ нами?

— Это? Рѣка...

— Такъ-съ, совершенно вѣрно... А это?—онъ похлопалъ рукой по периламъ.

— Перила... дерево...

— Такъ-съ... А это?—показалъ онъ на себя.

— Человѣкъ... — нерѣшительно отвѣчалъ я, еще не понимая его мысли.

— Правильно-съ. Теперь, если мы и другого, и третьяго, и четвертаго, и пятаго спросимъ,—они скажутъ то же самое?

— Вѣроятно...

— И никто не скажетъ про рѣку, что это — дерево, а про дерево, что это—вода?

— Разумѣется.

— Такъ вотъ-съ, и съ правдой такъ же должно быть: надо, чтобы она для всѣхъ была правдой, вотъ какъ дерево для каждаго дерево, а не то, что для одного—вода, а для другого—самоваръ.

— Да вѣдь люди спорятъ не изъ-за самыхъ фактовъ и явленій, а изъ-за расцѣпки ихъ. Одному нравится рѣка, и онъ будетъ хвалить ее, а другому не нравится, и онъ будетъ говорить, что лучше бы ея здѣсь не было.

— Нѣтъ...—кратко заявилъ Федя, и я не могъ понять, что онъ хотѣлъ сказать этимъ словомъ, и сталъ ждать поясненій, но онъ умолкъ.

Тогда я спросилъ его:

— Чего же вы въ концѣ концовъ хотѣли бы?

Федя вздохнулъ и заговорилъ:

— Хотѣлъ бы я, господинъ, найти такую партію людей, гдѣ настоящая правда, которая для всѣхъ, какъ есть, правда, не то что для кого выгодно, и къ такой партіи приписаться. Ежели мнѣ настоящую правду найти, господинъ, такъ изъ-за нее на крестъ бы пошелъ, только чтобы настоящая, чтобы никто оспорить не могъ. Не знаете ли вы, господинъ, такой партіи?

— Нѣтъ, другъ мой, не знаю...

Федя грустно вздохнулъ и умолкъ.

Рѣка тихо шумѣла внизу и слегка плескалась у берега, и красная луна, освѣтивъ на противоположномъ берегу щетку сосноваго лѣса заревомъ пожара, сталъ поднимать надъ нимъ и блѣднѣть, а когда поднялась совсѣмъ, то сдѣлалась серебряной и бросила зыбкую серебряную дорожку черезъ рѣку.

— Спокойной ночи!—пожелалъ я Федѣ.

П. Зайкинъ.

А. Соборова. Портретъ.

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

ЧИСТАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ.

1.

Костенька Зернушинъ друженъ съ барономъ. Баронъ—персона: онъ—единственный баронъ на весь городокъ. Ужъ по одному тому, что онъ—баронъ, его всѣ знаютъ, имъ интересуются, за нимъ ухаживаютъ. Но есть еще особое обстоятельство, которое привлекаетъ внимание всего городка къ барону: у барона есть жена, баронесса, которую онъ ждетъ къ себѣ, и ждетъ не изъ какой нибудь Курляндіи или Лифляндіи, а изъ самаго Петрограда. Есть у барона и фамильная драгоценная мебель. Должна она прибыть вмѣстѣ съ баронессой. Когда прибудетъ, тогда баронъ сниметъ лучшую квартиру въ городѣ и будетъ жить такъ роскошно, какъ въ

здѣшнихъ мѣстахъ и не видывали. Весь городокъ это знаетъ и терпѣливо, уже довольно долго, ожидаетъ пріѣзда баронессы съ мебелью. Баронъ же, пока что, служитъ на маленькомъ жалованьѣ въ акцизѣ и снимаетъ комнатку у Ксении Ивановны Зернушиной, матери Костеньки.

Ксения Ивановна обожаетъ своего единственнаго сына Костеньку безъ всякой мѣры. Такъ пржитыхъ въ законномъ бракѣ дѣтей не любятъ. И знаютъ всѣ въ городкѣ, что обожаемаго Костеньку своего прижила Ксения Ивановна съ Зернушнымъ до брака. Дѣло тутъ случилось самое простое: жила она у него въ кухаркахъ. А когда родился у нея Костенька, повезло ей, какъ рѣдко кому теперь везетъ:

Зернушинъ на ней женился и сына усыновилъ. Но отъ людей прятаться сталъ и общества избѣгать. Ксения Ивановна, наоборотъ, зажила широко и хлѣбосольно, и скоро домъ ея прослылъ гостеприимнымъ. Правда, на первыхъ порахъ мало кто не гнушался ею и ея гостеприимства не сторонился. Но она съ такой благодарностью принимала приходившихъ, что число ихъ все увеличивалось. Было все это въ донсторическія, такъ сказать, времена. Зернушинъ мало-по-малу дослужился до генеральскаго чина, и теперь бывать у генеральши Ксении Ивановны Зернушиной считалось уже честью для каждаго, и впускали туда съ большимъ разборомъ.

И комнату она сдала барону только потому, что онъ—баронъ. Къ обоюдному этому наемъ служилъ удовольствию: генеральшина жильца, барона, и бароновой хозяйки, генеральши.

2.

У Ксении Ивановны было заведено каждый годъ, въ день рожденія мужа, устраивать званый обѣдъ. Самъ хозяинъ не присутствовалъ на этихъ обѣдахъ. Былъ онъ уже старъ, берегъ свое здоровье, всякимъ обществомъ тяготился и потому въ день обѣда уѣзжалъ совсѣмъ изъ города. Несмотря на это, Ксения Ивановна изъ года въ годъ усердно поддерживала этотъ приятный обычай.

Но въ этомъ году сегодняшній обѣдъ ее тяготилъ.

Во-первыхъ, больше обычного нездоровилось мужу, и онъ долженъ былъ уѣзжать изъ дома, плохо себя чувствуя. А во-вторыхъ—и это было главное—Ксению Ивановну безноконилъ Костенька.

Костенька, ея единственное сокровище, только годъ одинъ побывъ въ Москвѣ въ студентахъ, пріѣхалъ измѣнившимся неузнаваемо. И, этой самой переменой своей очень гордясь, жестоко давалъ ее чувствовать, кому слѣдуетъ, то есть „генералу“ и „кухаркѣ“.

Ксения Ивановна даже растерялась и собралась было лечить своего сына. Да развѣ подступишь къ такому?

Съ утра, въ день обѣда, ходила она за нимъ, какъ тѣнь, уходя минутку, чтобы заикнуться объ обѣдѣ.

— Костенька! Я надѣюсь, что сегодня ты будешь дома къ обѣду?—подступила она къ нему просительно, замѣчая, что онъ собирается на рѣку, искупаться предъ заходомъ солнца.

— Конечно нѣтъ!—коротко отвѣтилъ Костенька, накидывая на плечо полотенце и не глядя на мать.

Вся кротость Ксении Ивановны улетучилась отъ такого отвѣта.

— Какъ нѣтъ?—вскипѣла она:—да вѣдь сегодня рожденіе папы!

— Ну, и поздравляю тебя съ нимъ!

Костенька насмѣшливо раскланялся предъ матерью, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ и обернувшись добавилъ раздраженно:

— И никогда не смѣй мнѣ,—слышишь, никогда!—говорить такія пошлыя слова, какъ „папа“!

— Да почему же?—робѣя и дивясь, спросила мать.

— Потому что,—раздѣльно и наставительно отвѣтилъ Костенька:—потому что это—чистая случайность, что онъ—мой зтець.

Ксения Ивановна опѣшила.

Какъ тайная надежда, пронеслась предъ ней гдѣ-то слышанная мысль, что сыновья часто сильнѣе любятъ матерей, чѣмъ отцовъ.

— А мать?—спросила она стыдливо.

— То же самое!—досадливо бросилъ ей Костенька:—я

тебѣ уже объяснялъ, и не разъ, что это—чистая случайность, кто—нашъ отецъ и мать. Вы просто-напросто—двѣ особи.. Впрочемъ не стоить объяснять. Все равно не поймешь. Вотъ, если бы ты была образованная и могла прочесть Дарвина, Геккеля и другихъ, ты поняла бы. А такъ тебѣ ничего не втолкуешь.. Вонъ ты и плачешь уже...

Ксения Ивановна вправду заливалась горячими слезами, причитая сквозь слезы:

— Костенька, Костенька! Что съ тобой, сыночекъ мой? Я такъ страдаю отъ твоихъ словъ!

— „Страдаю“!—передразнилъ ее Костенька, ничуть не тронутый слезами:—научись смотрѣть на себя съ научной точки зрѣнія, тогда и перестанешь страдать. Впрочемъ, оставь меня въ покоѣ. Мнѣ не до тебя.

Онъ нахлопнулъ себѣ на голову фуражку и прыгнулъ черезъ окно въ садъ, хотя рядомъ была открытая дверь.

А Ксения Ивановна, какъ стояла, такъ и опустилась на первый попавшійся стулъ. Горе застало ей душу.

— Не пойму я,—разсуждала она, разводя руками:—не пойму я эту его науку: мать—не мать, отецъ—не отецъ. Вы, говорить,—особи. А что это за особи, прости Господи, невдомекъ. Можетъ быть, хорошее, а, можетъ, быть, Богъ знаетъ, что. И учился-то всего-навсего годъ одинъ въ Москвѣ!

3.

Костенька, перескочивъ черезъ заборъ, отправился вовсе не къ рѣкѣ, а въ сторону, какъ разъ ей обратную. Пройдя нѣсколько улицъ, онъ вышелъ на площадь. На площади, среди прочихъ, стоялъ домикъ съ зелеными рѣшетчатыми ставнями, закрытыми отъ солнца.

Костенька сначала позировалъ поодаль въ виду оконъ, не спуская глазъ съ калитки сада рядомъ съ домикомъ. Потомъ небрежно погулялъ на площади. Потомъ рѣшился на крайнія мѣры: сталъ ходить подъ самыми окнами. Наконецъ остановился и долго-долго ждалъ, не выйдетъ ли дѣвушка съ волосами, заплетенными въ двѣ косы.

Но она не выходила, хоть и видѣла его сквозь зеленныя рѣшеточки ставень.

И Костенька это зналъ.

— Разлюбила! Не любить!—сказалъ онъ самъ себѣ.

И нестерпимо душнымъ показался ему прекрасный лѣтній день. Скверно почувствовалъ онъ себя, словно заболѣлъ, словно залихорадило его.

Онъ пошелъ съ площади обратно, дошелъ до липовой цвѣтушей рощи, спустился по высокому, гористому берегу къ рѣкѣ и легъ у самой воды на жесткія гальки.

У берега вода почти не двигалась. Издалека доносился визгъ купающихся мальчишекъ.

— Современный Нарциссъ!—сказалъ Костенька себѣ ядовито, рассматривая въ водѣ свой утиный носъ, маленькіе глаза и щупленькія плечи:—да, брачная окраска у меня неважная, нельзя не сознаться! Такъ неужели за это она меня и разлюбила? Предпочла мнѣ другого, съ упругими мышцами и красивымъ лицомъ,—однимъ словомъ, съ болѣе богатой окраской?

На душѣ у Костеньки становилось пусто и горько. Какъ, его порывъ къ дѣвушкѣ, полный нѣжной силы, его молодое чувство къ ней, которымъ полно было все его существо, теплая радость, которую онъ хотѣлъ раздѣлить съ ней, остались безъ отвѣта, и всѣ богатства эти отвергнуты только изъ-за того, что у него брачная окраска подгуляла?

Костенька путался въ противорѣчійхъ. Глухая ревность грызла его.

А тутъ, какъ на бѣду, рѣка становилась все красивѣй. Солнце быстро садилось, золоты края лиловыхъ тучъ. Вода темнѣла, а по ней разсыпалось огненное золото. Теплый вѣтеръ несъ запахи цвѣтущихъ по берегамъ садовъ. Одиночество сдѣлалось нестерпимо Костенькѣ.

Онъ всталъ и, понуривъ голову, побрелъ наверхъ, въ городокъ, домой.

4.

Въ столовой, за ярко-освѣщеннымъ бѣлымъ столомъ, уставленнымъ обильно всякой благодатью, сидѣли госп. Они че только пили и ѣли, но и разсуждали.

Костенька услышалъ не по лѣтамъ звонки голосъ жены

— Это и заставило васъ поселиться здѣсь?—осторожно спросилъ Костенька, польщенный откровенностью барона.

— Конечно... хотя и служба тоже. Вѣдь я безъ средствъ. Были кое-какія деньги, но два года широкой жизни съ женой оставили меня безъ гроша. Это мѣсто въ акцизъ было первое, что подвернулось. Я и не разсуждалъ. Нужно было бѣжать куда нибудь. Никогда конечно я не предвидѣлъ такого финала для себя: акцизный чиновникъ! Есть что-то унижительное въ службѣ по этому вѣдомству—то ли, что сюда идутъ самые бездарные изъ университета, или что другое, не знаю. Впрочемъ простите! Вашъ батюшка, а мой патронъ,—тоже акцизный.

Костенька улыбнулся.

А. Щекотихина. Рисунокъ.

архитектора, неустанно проповѣдующей пользу санатогена, и презрительно сморщился, отчего его утиный носикъ вздернулся надъ тонкимъ, рыбимъ ртомъ.

Костенька, ища сочувствія, взглянулъ на барона. Варонъ покровительно улыбнулся и всталъ изъ-за стола.

Они вышли на веранду.

Совсѣмъ стемнѣло. Небо стало зелено-бархатнымъ. Веранда, вся увитая черной, жирной зеленью плюща, располагала къ бесѣдѣ.

Пуская въ воздухъ тонкія струйки дыма, баронъ спросилъ Костеньку:

— Все еще хандрите?

— Мѣста не нахожу!—искренне отвѣтилъ Костенька.

Его тянуло на откровенность, ему хотѣлось исповѣдаться предъ барономъ, но баронъ самъ, неожиданно для Костеньки, началъ исповѣдь.

— Я тоже!—вдругъ воскликнулъ онъ:—вѣдь все это—ложь, что я жду ее сюда, мою жену! Не прійдетъ она никогда. У нея тамъ любовникъ, и между нами все кончено. Но люблю ее, кажется, еще больше, чѣмъ прежде.

— Не стѣсняйтесь!—сказалъ онъ:—мой генераль отлично себя чувствуетъ на этомъ поприщѣ. Дѣйствительно человѣку вашей крови трудно въ акцизѣ, а другимъ—какъ рыбѣ въ водѣ.

— Однако вы—не очень почитительный сынъ!—замѣтилъ баронъ.

— Не очень!—охотно согласился Костенька:—университетъ совсѣмъ перевернулъ мои воззрѣнія. Вѣдь я—естественникъ, будущій медикъ. Теперь меня не мучитъ мое происхождение, какъ мучило раньше, въ гимназій. Теперь я—прочелъ „Происхождение видовъ“ и знаю, что это—чистая случайность, рождение третьяго отъ двухъ другихъ, и что ничего здѣсь особеннаго нѣтъ. А раньше я здорово страдалъ. Матушка-то моя, какъ вѣроятно вы слышали, кухаркой была у отца до замужества.

— Слышалъ,—спокойно сказалъ баронъ:—она—женщина умная и тактичная. Я ее уважаю; больше, чѣмъ многихъ.

— Да неужели? Вотъ какъ!—искренне удивился Костя и вдругъ почувствовалъ себя къ силамъ задать вопросъ, къ которому все время готовился:—а скажите, баронъ, если

любимая женщина вдруг, въ одинъ прекрасный день, ни съ того, ни съ сего скажетъ по вашему адресу насмѣшливо и ядовито: le petit philosophe, скажетъ послѣ того, какъ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ ловила каждое ваше слово на-лету, подбирала, какъ манну небесную, каждую вашу мысль,—скажите, что это?

Костенька заметался по верандѣ. Баронъ молчалъ, давая Костенькѣ высказаться до конца.

— Ужасно, баронъ! — продолжалъ Костенька: — ужасно любить, имѣя такую убогую брачную окраску — простите, я выражаюсь научно. Ужасно быть физически такимъ паршивымъ, какъ я, и знать, что тебѣ предпочитаютъ другого только за его внѣшность! Ужасно знать этотъ проклятый законъ и не умѣть повернуть его въ свою пользу!

— Успокойтесь, мой другъ! — мягко сказалъ баронъ: — любовь — болѣе сложное чувство, чѣмъ говорите вы сейчасъ. Моя напримѣръ жена предпочла мнѣ почти урда, во всякомъ случаѣ горбуна. Онъ — очень умный человѣкъ, и, кажется, она сильно увлеклась имъ. Впрочемъ ничего не знаю. Лучше объ этомъ не говорить. Моя жена — необыкновенная женщина. Она между прочимъ — дочь извѣстнаго вамъ, какъ естественнику, ученаго.

— Вамъ предпочла урда? — переспросилъ Костенька, вглядываясь въ стройную, высокую фигуру барона: — худшую окраску предпочла лучшей?

Онъ почувствовалъ, что его ясные законы заколебались, а на мѣсто ихъ водворяются какія-то темныя, но неизблѣмыя силы.

5.

Костенька долго бродилъ по саду, смотрѣлъ на бѣлыя, крупныя звѣзды.

„Ну ее къ черту! — думалъ онъ про свою любимую. — Жена красиваго барона полюбила вѣдь горбуна. А я — не горбунъ, спина у меня прямая“.

Но такія разсужденія не успокаивали его сердца. Оно ныло и ныло. И не могъ понять Костенька, отчего. Кажется, не только отъ того уже, что дѣвушка его не любила.

Сидя въ тѣни, онъ наблюдалъ, какъ раздѣжаются гости, какъ гаснутъ огни въ окнахъ. На верандѣ показалась мать.

И вдругъ Костенька понялъ, что это ее ему жалко. Онъ попытался отмахнуться отъ этого чувства, напоминая себѣ

что Ксенія Ивановна — „кухарка“ и „особь“. Но не выдержалъ и пошелъ къ матери, рѣшивъ не выказывать своихъ чувствъ.

— Представь себѣ, мама, — началъ онъ обычнымъ развязнымъ тономъ: — баронъ тебя уважаетъ!

— А какъ же иначе? — удивилась Ксенія Ивановна.

— Ну, Богъ мой, вѣдь онъ же знаетъ твое прошлое, а все-таки уважаетъ тебя! — сразу раздражаясь, возразилъ Костенька.

Ксенія Ивановна вспыхнула:

— Ты съума сошелъ, Костя!

Она пошла въ комнаты, не желая разговаривать.

— Да выслушай меня наконецъ! — закричалъ, теряя свой тонъ, Костенька: — вѣдь я ничего обиднаго не хотѣлъ сказать. Я хотѣлъ только сказать, что баронъ тебя уважаетъ больше всѣхъ здѣшнихъ дамъ. Только это!

— Могъ бы и не говорить, — оставившаяся холодно сказала мать.

— Нѣтъ, не могъ. Мнѣ пріятно, что онъ такъ сказалъ. Вообще баронъ — необыкновенный человѣкъ, и мы съ нимъ — болѣе друзья.

— Можетъ быть, вы и друзья. Но только ты — совсѣмъ еще маленький мальчикъ. Смотрю я на тебя и не знаю, умный ли ты ужъ слишкомъ, или совсѣмъ еще дурачекъ.

Костенька опять почувствовалъ отчужденіе, думая про мать:

„Она мнѣ совершенно посторонняя, ничего понять не можетъ въ моихъ страданіяхъ. Однимъ словомъ, чистая случайность“.

А мать подошла къ нему ближе.

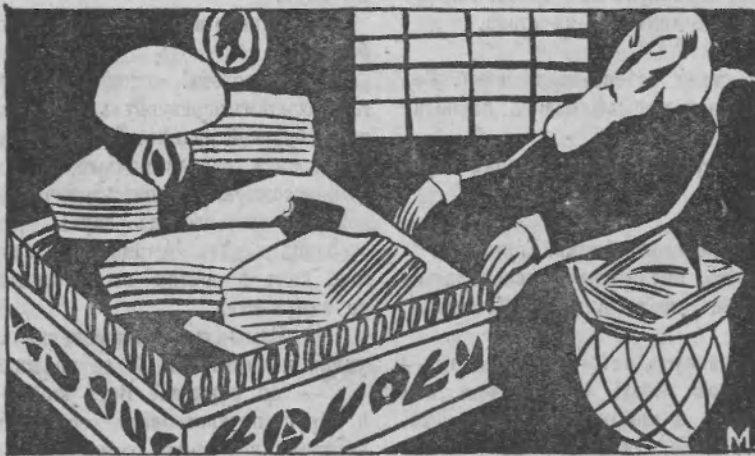
— Дѣточка, что съ тобой? Колочій какой-то ты сталъ!

Костенька взглянулъ на мать исподлобья и хотѣлъ было оттолкнуть ее, сказавъ то, что сейчасъ думалъ. По взгляду его задержался на ея добродушномъ, некрасивомъ лицѣ, и вдругъ онъ узналъ свои черты, которыя съ такимъ презрѣніемъ разсматривалъ сегодня въ водѣ. Что-то въ немъ задрожало. Его охватило тепломъ. Онъ приникъ къ матери.

— Я очень несчастливъ, мамочка! Пожалѣй меня! — зашепталъ онъ плачущимъ голосомъ и, будто прыгая въ холодную воду, прибавилъ: — влюбленъ, но съ моей окраской, то есть съ моимъ лицомъ, трудно быть пріятнымъ.

Мать молча прижала его голову къ своей груди и стала цѣловать.

Сергѣй Городецкій.

СТРАНИЧКА СТИХОВЪ.

О, храмъ добра! Ты не построенъ
Вдали отъ шумныхъ тропъ людскихъ.
Стоять то мученикъ, то воинъ
На стражѣ у святынь твоихъ.
Твоя лампада не погасла
Во всѣ кровавые вѣка,
И вѣчно подливаетъ масло
Въ свѣтильню чья нибудь рука.

Заснетъ ли жрецъ на жесткомъ ложѣ,
Бѣжитъ ли стражъ служить мечу,—
Въ твой тихи мракъ идетъ прохожій
Поднять упавшую свѣчу.
Вокругъ тебя—борьба и клики,
Въ тебѣ—любовь и тишина.
И пусть всѣ правды многолики,
Ты учишь: истина—одна.

Маріэтта Шагинянь.

Не надо самовольно умирать—
Вѣдь развѣ не мучительнѣй, не слаще,
Съ пути сбиваясь, горестно блуждать
Въ огромной и пугающей насъ чашѣ?
Пожди немного—кончится игра—
И станетъ все томительно спокойно.
Гдѣ кончатся нѣмые вечера,
Гдѣ свѣтъ опять зардѣетъ зло и знойно?
Въ невѣднѣ награда намъ дана—
О, дней моихъ нечисленныя числа,
Струя безумно-горькаго вина!
О, кругъ безъ оправданья и безъ смысла:
За мною все крадется вѣчный тать,
Смѣется и таится въ темной чашѣ.
Зачѣмъ же самовольно умирать?
Блуждать, не зная—мучительнѣй и слаще.

Книголюбъ.

Чуть шевеля цвѣткомъ изсохшихъ губъ,
Межъ этажей нависшихъ тяжко полокъ
Надъ фолантами склонился книголюбъ,
Читая медленно забытый, древній прологъ.
Надъ нимъ—вверху—колдуетъ Благодать.
Но что ему? Онъ, въ буквенной тревогѣ,
Не чувствуетъ тайнаго, а время—злбный тать—
Крадетъ часы, приготавливая дроги.
Чуть-чуть шевелится цвѣтокъ изсохшихъ губъ,
И нѣкій Гость стоитъ ужъ на порогѣ,—
И ниже все клонится книголюбъ.
А Гостя взглядъ безжалостенъ и грубъ,
Подъ черной мантией бѣлѣютъ костью ноги,
Спокойно тянется безъ думы, безъ тревоги
Костлявая рука сорвать цвѣтенье губъ.

Д. Крючковъ.

М. НЕЧИТАНЛО — АНДРЕЕНКО.

Д. БЕРМАНЪ. МУШКА НА ЩЕКѢ.

(Къ вопросу о конкретности въ искусствѣ.)

...Это было совершенно невозможно, что онъ говорилъ, и, чѣмъ дольше рассказывалъ онъ о своемъ изумленіи, тѣмъ спокойнѣе и увѣреннѣе становился я. Она не могла вернуться. Двѣ тысячи верстъ насъ раздѣляютъ.

— И замѣть,—продолжалъ онъ:—ничуть не измѣнилась. Только мушку стала носить на лѣвой щекѣ.

И въ этотъ моментъ я вспомнилъ ея восковое лицо и отчетливо увидѣлъ черный кружокъ на лѣвой щекѣ почти у самого угла рта; я почувствовалъ, что покровы невѣроятности совлекаются съ его рассказа, что я повѣрилъ. И—вѣрить ли послѣ этого искренности лихорадочныхъ моихъ разспросовъ—мысль скачетъ и бѣжитъ уже по знакомому пути рефлексіи.

Какъ убѣдительно хотя бы незначительная деталь!

Помню рассказъ про мальчика, который тайкомъ выпивалъ молоко, доливая его водой. Хозяйка говоритъ съ укоризною:

— И вѣрно сырой водой доливалъ?

Мальчикъ испуганно восклицаетъ:

— Нѣтъ, кипяченой!

Теперь кончено. Косвенная улика сдѣлала свое. Мысль зацугалась въ мелочи. Надо отрицать—и отрицать самое дѣйствительное, самое конкретное утверждение—а фактъ между тѣмъ признавъ самъ собою. Пусть невѣрно наблюдено. Пусть я сразу ударюсь въ отрицаніе: не мушка, а родинка. Но онъ встрѣтилъ ее, она здѣсь.

И таковъ рецентъ всякой дѣйственной лжи, а также и прекрасной лжи искусства.

Вспомнимъ недавнее прошлое, когда отъ погружающагося корабля символизма послѣдно отвалила шлюпка акмеистовъ. Когда общая тревога улеглась и стали оглядываться другъ на друга, то, казалось, не нашли между собою ничего общаго. А между тѣмъ въ зенитѣ стоялъ знакъ конкретности, звезда, ведущая къ единственно-гереживаемому теперь образу. Недаромъ своимъ патрономъ они избрали Адама—назывателя имени.

Явленіе перемежающагося вкуса, основывающееся на томъ, что вслѣдствіе постоянного употребленія определенныхъ образовъ къ нимъ такъ приглядѣлись, что едва ли соединяютъ съ ними какое либо отчетливое представленіе, и явилось причиною переворота. Какъ нѣкогда на подкрѣпленіе образной стороны слова явился эпитетъ—сначала простой, а потомъ и сложный,—такъ и теперь, на подкрѣпленіе этой системы приходится косвенная улика, конкретная деталь.

На вечерѣ петроградскихъ поэтовъ былъ исполненъ менуэтъ. При этомъ не было множества мѣдныхъ и деревянныхъ инструментовъ, которые заглушили бы скрипъ половицъ подъ ногами танцующихъ, былъ всего лишь одинъ рояль. И мучительно было опущать тяжесть того, что должно было бы быть совершенно невѣсомымъ. Между тѣмъ въ послѣдовавшей „русской“ притоптыванье ногъ и вѣсь вошли въ танецъ какъ элементъ общаго ритма, и было хорошо. Такъ и конкретность должна войти въ современное искусство.

Образы, сдѣлавшіеся почти безплотными, скрещиваются только между собою, и потомство ихъ вырождается. Комбинаціи, которыя образуютъ эти образы-тѣни, запутаны и условны, какъ въ шахматной игрѣ. Иной разъ смотришь на разставленные фигуры и теряешь всякое представленіе о свойствахъ ихъ ходахъ и образуемыхъ комбинаціяхъ—просто видишь разграфленную доску и рѣзные фигурки, въ безпорядкѣ разставленные на ней. „Всякое представленіе“ теряютъ и сами авторы; отсюда постоянное явленіе совмѣщенія несомѣстимыхъ образовъ—вродѣ „свѣчи, горящей въ кровью наполненномъ сердцѣ“. Этого искусства намъ не нужно, хотя бы оно и было дѣломъ рукъ большихъ мастеровъ. Хорошимъ образцомъ четвертаго или пятаго поколѣнія этихъ образовъ могутъ служить мастерскія стихотворенія, которыми обмѣнялись Валерій Брюсовъ и Вячеславъ Ивановъ на страницахъ 3-го сборника „Сиринь“.

„Есть Зевсъ надъ твердью и ть Эрѣбъ.

Отвѣсь грѣха въ пучину брось,—

Отъ Бога въ сердцѣ къ Богу въ лебѣ
Струной протянутая ось
Поетъ „да будетъ“ Отчей Волѣ
Въ кромѣшной тѣмѣ и въ небеси:
На Отчемъ стеблѣ—колосъ въ полѣ,
И солныпа—на Его оси“.

(Вячеславъ Ивановъ).

Переживается ли это?

Чтобы спасти родъ и возродить его, надо разломать рамки и скрестить эти образы съ живой жизнью, какая у кого есть, какая дает острое ощущение реальности. Куда угодно,—только уйти отъ общности и безкровности подержанныхъ схемъ и заносенныхъ образовъ, уйти въ XVIII вѣкъ (Садовскій), въ доисторическую эпоху (Зенкевичъ), въ Африку къ жирафамъ (Гумилевъ), въ просторъ поёмныхъ луговъ, въ частоколь фабричныхъ трубъ, въ палатко универсальныхъ магазиновъ, въ будуаръ оскорбленной Татьяны или напудренной Нелли. Здѣсь ключъ къ разгадкѣ того, что, когда символизмъ уже перевалитъ черезъ высшую точку своего подъема, конкретизация въ эротической поэзии довела искусство до порнографичности и почему теперь столько „дэндизма“ у молодыхъ поэтовъ.

Веселовскій указываетъ, что „языкъ поэзии, подновляя графическую жизнь слова, возвращаетъ его, въ извѣстныхъ границахъ, къ той работѣ, которую когда-то продѣлалъ языкъ, образно усваивая явления вѣшняго міра и приходя къ обобщеніямъ путемъ реальныхъ сопоставленій“. Этотъ путь можно совершать, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ направленіи, восходящемъ и нисходящемъ. Не отрицая второго направленія, какъ системы, мы однако утверждаемъ, что лозунгомъ момента является направленіе обратное, и отрицаемъ символизмъ, не какъ систему, а какъ своевременный поэтический приемъ.

Пользованіе отвлеченными схемами сейчасъ—приемъ такой же наивный, какъ и тотъ, которымъ обманываютъ себя авторы большинства редакционныхъ присловьевъ. Они думаютъ, что, если они лишатъ свои переживания всѣхъ признаковъ, отличающихъ ихъ отъ общаго случая, и облечатъ ихъ трафаретными поэтическими одеждами,—

„... еще не проснулись цвѣты
на клумбахъ садовъ и бульваровъ,
и звуки мірской суеты
на пыльныхъ сплелись троттуарахъ“, —

то тѣмъ самымъ и возведутъ свои писанія въ степень поэзии. Между тѣмъ выраженіе „шаблонъ“ или „трафаретъ поэтического языка“ — такая же нелѣпость, какъ „шестиугольный кругъ“. Поэтический языкъ остается таковымъ, доколѣ живы заключающіеся въ немъ образы, и съ умираниемъ ихъ переходитъ въ прозу. И никакіе эффекты версификаціи не могутъ его вернуть обратно.

Ради проповѣди, отъ художественнаго творчества отказался Левъ Толстой. Но великій художникъ сказалъ въ его обличеніяхъ тамъ, гдѣ требовалось вызвать въ душѣ величайшее отвращеніе. Здѣсь уже не общими словами вызывается чувство, а конкретными деталями—образъ. Онъ сознаетъ, что мало сказать: „Сознавая это, я не могу долѣе переносить этого, не могу и долженъ освободиться отъ этого мучительнаго положенія“, — а пишетъ дальше: „одно изъ двухъ или... или, что было бы лучше всего... надѣли на меня, такъ же, какъ на тѣхъ 20 или 12 крестьянъ, саванъ, колпакъ и такъ же столкнули со скамейки, чтобы я своей тяжестью затанулъ бы на своемъ старомъ горлѣ

намыленную петлю“. Кому не вѣзлалась въ памяти эта мощная, трагическая деталь—намыленная петля

Насъ не прельщаютъ объясненія въ любви къ природѣ, былинкамъ, золотымъ главкамъ церквей,—мы предпочитаемъ даже малопонятные, но вызывающіе колоритное представленіе „щипульные колки“ Есенина. Замѣчательно, что и самородки-поэты нашего времени начали съ подражанія литературнымъ, неотчетливо даже воспринимаемымъ образамъ, а послѣ только впади въ конкретность. Появилась особая даже—не народная, а „губернская“—поэзія. Въ этомъ объясненіе и характера, и успѣха Клюева и Есенина.

Когда на картинахъ футуристовъ между раскрашенными частями полотна видны куски настоящей матеріи, то это—не глупость или нелѣпость, но кусокъ жизни, еще не переваренный

Путемъ экспериментальнаго наблюденія можно вѣроятно установить, насколько блѣдно переживаются въ искусствѣ отвлеченныя категории отношеній, качества и количества и гдѣ надо искать опредѣленій, дѣйствительно вызывающихъ отчетливое представленіе, почему слова „завѣтный“, „ногайный“ явились бы пустымъ мѣстомъ вмѣсто слова „кустарный“ въ строкахъ:

„Въ кустарномъ ящикѣ твоёмъ
Хранится ядовитый кали“.

Указанная деталеровка, разумѣется, уменьшаетъ ёмкость поэтического произведенія, но зато придаетъ ему больше вѣса, увеличиваетъ центристемингальную силу образа. Отсюда и жалобы на „ограниченность“, малодоступность и малопонятность поэзии.

При всемъ томъ надо имѣть въ виду, что перечисленіе деталей—приемъ специально живописный и въ поэзии завѣдомо безнадеженъ. Описаніе бровей, глазъ, щекъ, подбородка красавицы не заставитъ насъ возсоздать цѣльную сумму этихъ признаковъ. Слагаемые останутся слагаемыми, и никакой педантизмъ не сломитъ законовъ воспринимающей психики.

Никакого подобнаго реальному художественнаго представленія не вызоветъ у насъ стихотвореніе „Столяръ“, Нарбута, которое каталогизируетъ всѣ детали описуемаго:

„Визжитъ пила—увѣренно и рѣзко,
Какъ рожь, ползуть рисунка завитки,
И неглубокимъ желобкомъ стамеска
Черпаетъ стволъ и хрупкіе сѣки.
Кряжистый, низкій, лысый, какъ аяостоль,
Нагнулся надъ работою столяръ:
Изъ клена и сосны почти что создалъ
Для стараго Евангеля футляръ.
Теперь—соединить бы. Изъ кастрюли
Два-три мазка хватаютъ кистью клей,
И половинки переплетъ сомкнули
Съ колосьями—не изъ родныхъ полей.
Подсохнетъ,—надо прикрѣпить застежки.
Пригладитъ лакомъ бы, да жалко—нѣтъ..
Въ засаженыя мухами окошки
Проходить пыльными столбами свѣтъ.

Смотри: пила опять перебираетъ
Зубцами острыми короткіи брусъ,
И долото долбитъ и ковыряетъ,
И мастеритъ подобье крупныхъ бусъ.
Смотри, осенній день, и на колосья,
Что выточитъ рука трудясь могла,
Смотри и молви: „Ихъ пучокъ разросся
Маслиной ааронова жезла!““.

Въ соответствии со сказаннымъ въ началѣ нашей статьи, улика должна захватить сознание врасплохъ, должна быть уликой косвенной и притомъ употребляемой весьма экономно.

Умѣние выбрать таковую требуетъ немалого дарованія.

Вотъ немногя слова Анны Ахматовой, въ которыхъ цѣлый романъ, съ четырьмя рѣзко очерченными дѣйствующими лицами:

„Слава тебѣ, безысходная боль!
Умеръ вчера сѣроглазый король.
Вечеръ осенній былъ душень и алъ,
Мужъ мой вернувшись спокойно сказалъ:
— „Знаешь, съ охоты его принесли,
Тѣло у стараго дуба нашли.
Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала сѣдой“.
Трубку свою на каминѣ нашель
И на работу ночную ушелъ.
Дочку мою я сейчасъ разбужу,
Въ сѣрые глазки ея погляжу.
А за окномъ шелестятъ тополя:
„Нѣтъ на землѣ твоего короля“...“

При прежнихъ приемахъ искусства для передачи фабулы такой сложности потребовалась бы поэма размѣромъ съ „Исполненное обѣщаніе“ Валерія Брюсова.

Или вотъ мотивъ разлуки, безъ дегалей, у Сологуба:

„Ты ничего не говорила,
Но ужъ и то мнѣ былъ укоръ.
Къ смиреннымъ травамъ ты склонила
Твое лицо и кроткій взоръ.
И отъ меня ушла неспѣшно,
Вдыхая слабый запахъ травъ.
Твоя печаль была безгрѣшна,
И тихій путь твой не лукавъ“.

А вотъ та же разлука у Ахматовой:

„Такъ безпомощно грудь холодѣла.
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надѣла
Перчатку съ лѣвой руки.
Показалось, что много ступеней,
А я знала, ихъ только три!
Между кленовъ шепотъ осенній
Попросилъ: „Со мной умри!““.

Отмѣтивъ давление, оказываемое детально, мы не будемъ даже настаивать на соответствіи ея съ объективной дѣйствительностью для искусства, не являющейся предметомъ обязательнаго воспроизведенія. Вспомнимъ строфу Гумилева:

„Какъ собака па цѣпъ тяжелой,
Тявкаетъ за лѣсомъ пулеметъ,
И жужжать шрапнели, точно пчелы,
Собирая ярко-красный медъ“.

Воспроизведенныя разрядкой слова вызываютъ у насъ чрезвычайно убѣдительное представление полета шрапнели, что и требуется. Между тѣмъ шрапнель не жужжитъ, а визжитъ. Отмѣченная неправильность какъ будто рушитъ весь крѣпко сдѣланный образъ (1. Шрапнель жужжитъ. 2. Жужжать пчелы. 3. Пчелы собираютъ медъ. 4. Капли меда—какъ капли крови).

Вопросъ о ложныхъ деталяхъ имѣетъ свою исторію. Отмѣчена напримѣръ (въ послѣдованіи проф. Зѣлинскаго—„Древний мѣръ и мы“) до микроскопичности доходящая правильность деталей у греческихъ писателей. Колебание этой правильности можетъ быть объяснено потерей чувства жизни, въ частности эпохамъ абстрагирования искусства и окаменѣнія эпитета (см. по этому поводу статью В. Шкловскаго въ № 18), но во всякомъ случаѣ съ этимъ явленіемъ слѣдуетъ считать, какъ съ наличнымъ техническимъ приемомъ.

Просматривая стихи, помѣщаемые въ литературныхъ журналахъ послѣднее десятилѣтіе, мы явственно ощущаемъ переломъ въ сторону конкретности. Воскресеніе Некрасова, который раньше не переживался и былъ забытъ, говорить о томъ же. Но есть запоздалые пѣвцы, и трудно слушать ихъ, потому что ужасно, когда въ искусствѣ появляются полости безобразной мысли или неперереживаемыхъ образовъ. Искусство все же есть переживание формы. Этотъ переломъ надо осознать съ мудрой осмотрительностью. Кривая искусства ушла подъ среднюю линію перспективы и прильнула къ землѣ. Оно черпаетъ изъ жизни, изъ насъ, мы чувствуемъ вблизи его удлиненныя, прозрачныя руки. Когда и это стѣпегъ привычнымъ (говорятъ, что бракъ—могила любви), тогда его путь изогнется и подымется къ небу. Живые уснутъ, мертвые оживутъ. А сейчасъ нужно такъ много любви и вниманія къ жизни, какъ таковой, и нужно, чтобы воздушные корни искусства зарылись въ черную и тучную землѣю.

Л. Берманъ.

Продолжается ПОДПИСКА на 1915 г. (37-й год) издаваемый на еженедельн. художественно-литературный семейный **ЖУРНАЛЪ** **„РОДИНА“**

ОБИЛИЕ И РАЗНООБРАЗИЕ материала для чтения и иллюстраций. **УЧАСТИЕ ВЫДАЮЩИХСЯ** русских писателей и художников. В 1915 г. подписчик получает:

20 книгъ со- **А. Д. АПРАКСИНА** (около 2500 страниц) на еженедельн. иллюстрирован. литературн. журналъ **„РОДИНА“** со всѣми приложениями и 100 книгами в 1915 г. в краскахъ.

52 №№ ИЛЛ. **ЖУРНАЛА „РОДИНА“** съ повѣст., разск., стих., выдающ. писат. и многими картинами и рисунками.

52 №№ ИЛЛ. **„ВСЕМИРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“** событій текущей жизни въ рисун. и описан.

52 №№ ИЛЛ. **„РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха“** юморист. разск., каррикатуры, игры, забавы.

12 **КАРТИНЪ** ЦВѢТНЫМИ КРАСКАМИ по интереснымъ оригиналамъ.

40 **ФОТОГРАВИЮРЪ** съ картинъ выдающ. художн., на вкладн. листахъ шѣловой бумаги.

10 **ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ:**
12 №№ **„ДРУГЪ ДѢТЕЙ“** съ рисунками.
12 №№ **Новѣйшія МОДЫ** (600 рисун.).
12 №№ **лист. выкроекъ**. 12 №№ **лист. рисунковъ** разныхъ любительскихъ работъ и **ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЪ** на 1916 г. въ краскахъ.

2 **КАРТИНЫ** БОЛЬШІЯ ПРЕМИА:
1) „ШАЛОСТИ АМУРА“. 2) „ПОДЪ СОЛНЦЕМЪ ЮГА“. Художественно воспроизведенныя многими цвѣтными красками обѣ эти очаровательн. картины **БЕЗПЛАТНО** будутъ даны подписч., которые до 15-го апрѣля 1915 г. внесутъ **ГОДОВУЮ ПЛАТУ**.

80 **КНИГЪ** (8000 страницъ текста) **26** **КНИГЪ** **В. ТИХОНОВА** выдающагого современн. беллетриста и драматурга, извѣстнаго всей Россіи. Въ 26 послѣднихъ книгахъ будетъ помѣщено свыше 90 романовъ и проч. **Первыя 16 книгъ полн. собр. сочин. В. ТИХОНОВА** высыл. новымъ подписчикамъ за 2 р. съ перес. въ Европ. Россію и 2 р. 50 к. въ Азиатскую Россію.

12 **КНИГЪ** иллюстр. **СОБРАНІЯ РУССКИХЪ РОМАНОВЪ** (не менѣе 12 романовъ, среди которыхъ **ВОЕННЫЕ** и военно-историч. романы В. В. Муйжеля, А. Будищева, Л. Чарской, Е. Маурина, а также соврем. бытов. и историч. романы И. Н. Потапенко, кн. М. Н. Волконскаго, В. П. Никонова, А. Е. Зарина и пр.).

18 **КНИГЪ** ИСТОРИЧЕСК. РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ **Н. СЕВЕРИНА** высокоталантлив. автора историческихъ произведеній изъ жизни Россіи и Польши.

24 **КНИГИ** **„СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“** (до 500 разск., интерес. статей) **Подписная цѣна „РОДИНЫ“** съ прилож. и 80 книгами

За годъ безъ до- **7** р. | Безъ до- **7** р. 50 к. | Съ пере- **8** р. | **РАЗСРОЧКА 3** р.
ставки въ Москвѣ | ссылокъ по Россіи | первый взносъ

ПОДПИСКА въ Акц. 0-вѣ ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лигаская, д. 114, и Садовая, 20.

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА
необходимо сообщить новый адресъ и обязательно **ПРИЛАГАТЬ ТРИДЦАТЬ (30) коп.** почтовыми марками и **СТАРЫЙ АДРЕСЪ**, наклеиваемый на оболочку журнала, или сообщать его письменно.

Продолжается на 1915 г. **ПОДПИСКА** на еженедельный иллюстрирован. литературн. журналъ **„ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“**. Гг. подписч. получать:

3750 страницъ текста **2000** иллюстраций.

186 **ВЫПУСК. ЖУРНАЛ. И ПРИЛОЖ.**

52 №№ илл. **„ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“**: рассказы выдающ. писат. и масса иллюстрацій **СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ** и тонущей жизни.

52 №№ илл. **„СМѢХЪ И САТИРА“**: юмористическіе рассказы, сатиры, шутки и злободневныя **КАРРИКАТУРЫ**.

12 №№ **„ХОЗЯЙКА ДОМА“** ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г. (съ 366 листк.) съ массой свѣдѣній, на папкѣ для подвѣшив.

КАРТИНА-ПРЕМИА „СВИДАНІЕ“ — большаго размѣра, художеств. воспроизведен. во много красокъ, будетъ **БЕЗПЛАТНО** подписчик., котор. до 1-го мая 1915 г. внесутъ **ГОДОВУЮ ПЛАТУ**.

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВОСЕМЬ (68) КНИГЪ **АБОНЕМЕНТЪ № 1-й:**

20 **КНИГЪ** собранія сочинен. **А. Д. АПРАКСИНА** преимуществен. изъ жизни русской аристократ. (выше **35** романовъ, повѣстей, рассказовъ и проч. (около **2500** страницъ).)

12 **КНИГЪ** РОМАНОВЪ **„ДРАМЫ ЖИЗНИ“** полныхъ трагизма и захватывающаго интер. (**1350** стр.)

12 **КНИГЪ** ИЛЛЮСТРИР. **СОБРАНІЯ РУССКИХЪ РОМАНОВЪ** (большаго формата—**1000** страницъ), лучшихъ соврем. русск. писателей на темы **СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ**, а также историч. и бытовья.

24 **КНИГИ** **„СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“** (въ годъ **1900** страницъ—до 500 разск. и разн. статей.)

Подписная цѣна „ВСЕМИРНОЙ НОВИ“ съ **68-ю** книгами

За годъ съ пересыл. по Россіи **7** р. 50 к. | За пол- **3** р. 75 к. | За **3** р. 90 к.
годъ **3** р. 75 к. | три мѣс. **1** р. 90 к.

АБОНЕМЕНТЪ № 2-й:
32 **КНИГИ** (20 кн. собран. сочин. АПРАКСИНА и 12 кн. романовъ „ДРАМЫ ЖИЗНИ“).

АБОНЕМЕНТЪ № 3-й:
36 **КНИГЪ** (12 больш. книгъ иллюстрир. СОБРАНІЯ РУССКИХЪ РОМАНОВЪ и 24 книги „СБОРНИКА ЛИТЕРАТУРЫ“).

ПОДПИСИ. ЦѢНА „ВСЕМИРНОЙ НОВИ“ съ книгами 2-го или 3-го АБОНЕМ.

За годъ съ пересыл. **5** р. | За 6 мѣс. **2** р. 60 к.
За три мѣс. — **1** р. 35 к.

ПОДРОБНАЯ ПРОГРАММА высылается **БЕЗПЛАТНО**.

ПОДПИСКА на **„ВСЕМИРНУЮ НОВЬ“** адресуется въ Акц. Обществ. Издательства А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лигаская ул., 114—Отдѣл.: ПЕТРОГРАДЪ, ОДОНСКАЯ, 20 (и 107, Голтинного), и МОСКВА, ПЕТРОВСКАЯ ЛИНІЯ, КОЛТ. Н. П. Печников.

Необходимо при уплате ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА точно указать, желательны ли получать журнал "ГОЛОСЪ ЖИЗНИ" съ 82-ми книжками полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, или безъ этихъ книжекъ, а журналъ "ВСЕМІРНАЯ НОВЬ" съ 82-ми книжками сочинений Л. Н. Толстого.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ И ФИЛОСОФСКИХЪ)

Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакціею Д. В. ФИЛОСОВОВА, въ 82-хъ КНИЖКАХЪ (до 9.000 стран. текста въ 1/8 долю листа), напечатанныхъ на высококачественной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Къ изданію будутъ приложены портреты автора, воспроизведенные на мѣловой бумагѣ, и его биографія. Обложка художника Д. И. Митрохина.

Въ изданіе войдутъ ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО, а именно:

- РОМАНЫ И НОВѢСТИ:**—Война и Миръ, Анна Каренина, Крейцеровъ соната, Воскресене, Дѣтство, отрочество и юность, Казаки, Утро помѣщика, Семейное счастье, Декабристы, Записка маркера, Два гусара, Цоликушка, **РАЗСКАЗЫ:**—Набѣгъ, Севастополь, Рубка леса, Встрѣча въ отрядѣ, Метель, Альбертъ, Дюкернъ, Три смерти, Холостякъ, Туганъ и Маланка, Идиллія, Смерть Ивана Ильича, Хозяинъ и работникъ, Корей Васильевъ, За что?, Ягоды, Пѣсни на деревнѣ.
- ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:**—Власть тьмы, Плоды просвѣщенія, Живой трупъ, И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, Отъ ней всѣ качества.
- ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:**—Хаджи Муратъ, Отецъ Сергій, Дьяволъ, Послѣ бала, Фальшивый купонъ, Алеша Горюхъ, Зеленая палочка, Записки сумасшедшаго, Два спутника, Кто правъ?, Отецъ Василии, Кто убійца?, Иеромонахъ Исидоръ, Ходычка и проч.—**НОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ ДЛЯ НАРОДА:**—Чѣмъ люди живы, Первый винокуръ, Ходите въ свѣтъ, Каюшійся грѣшникъ и проч. 32 произведения.
- РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКІЯ СОЧИНЕНІЯ:**—Исповѣдь, Въ чемъ моя вѣра?, Христіанское учене, Учене Христа, изложенное для дѣтей, Что такое религія, Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность и проч. статьи 80-хъ и 90-хъ гг.—**ИРУГЪ ЧТЕНІЯ:**—**СТАТЬИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ**, а также объ искусствѣ, литературѣ, критическія.—**ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ** и пр. и пр.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ Л. Н. ТОЛСТОГО БУДЕТЪ ДАНО ВЪ 1915 ГОДУ

ввндѣ БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ къ слѣдующимъ ЖУРНАЛАМЪ:

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

Годъ изд. II.

„Голосъ Жизни“—первый русскій иллюстрированный еженедѣльникъ, поставившій себѣ целью соединить художественность съ занимательностью, серьезность—съ общедоступностью.

Въ каждомъ номерѣ „Голоса Жизни“ помѣщаются рассказы, стихи, статьи талантливыхъ представителей всѣхъ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстрацій.

Въ литературѣ „Голосъ Жизни“ стремится къ широкой объективности, а въ публицистикѣ—къ объединенію демократическихъ и прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества.

Углубленное толкованіе современныхъ событій, подготовленіе русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ—таково основное стремленіе „Голоса Жизни“.

„Голосъ Жизни“—богато иллюстрированъ и даетъ тонкохудожественный матеріалъ, равно какъ и фотографическіе снимки съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ новаго года „Голосъ Жизни“ выходитъ при ближайшемъ участіи Д. В. Филосова.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Ауслендера, В. Бестужева, А. Блока, В. Брусикина, Б. Верхоустинскаго, З. Гиппиусъ, С. Городецкаго, Л. Добронравова, Борися Зайцева, Георгія Иванова, В. Карачаровой, Д. Крачковскаго, Д. Крючкова, А. Ремизова, В. Ропшина, Ю. Слезина, П. Соловьевой, Ф. Сологуба, А. Чапыгина, Ив. Шмелева, К. Эрберга и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются статьи: Б. Веселовскаго, Владимира Гиппиуса, В. Ирецкаго, В. Каратыгина, проф. А. Карташева, Н. Коробки, проф. М. Курчинскаго, Антона Крайнего, д. Левина, Н. Лорнера, А. Мейера, Д. Мережковскаго, М. Новорусскаго, Е. Семенова, М. Славинскаго, проф. К. Соколова, Ю. Слонимской, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ принимаютъ участіе художники: Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Ф. Бруни, М. Добужинскій, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, М. Нечитайло-Андріенко, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, В. Яннауеръ и др.

Подписчики „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ получаютъ:
52 №№ художеств.-литературн. журнала и
82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой 8 р. 50 к.
 ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го июня—2 р., къ 1-го августа—1 р.

Принимается подписка на журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ безъ книгъ Л. Н. Толстого.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ—4 р. 50 к., за полгода—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к.

Пробные номера—20 коп. съ пересыл. При подпискѣ указывать избранный журналъ и число книгъ и адресовать Акц. Издательства А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ: 1) Лиговская, д. 114, и Садовая, д. 20.

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“

(10-й г. изд.)

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“—еженедѣльный иллюстрированный журналъ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, дающій въ теченіе года

52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массой иллюстрирующаго ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія мировой жизни, съ интересными рассказами—новинками русской и иностранной литературы и проч. ПРИ НЕМЪ ВЫЙДУТЪ

66 ПРИЛОЖЕНІЙ

52 №№ юмористич. „СМѢХЪ и САТИРА“, а также **12 №№** „ХОЗЯЙКА ДОМА“ (домовод), ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г., изящная КАРТИНА-ПРЕМІЯ—„СВИДАНІЕ“ и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой 7 р. 50 к.
 ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р., къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го июня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 р. 50 к.

Принимается УДЕШЕВЛЕННАЯ подписка на „ВСЕМІРНУЮ НОВЬ“ съ 66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ и **50 КНИГАМИ** ПОЛНАГО СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ДРАМЪ **Льва Ник. Толстого**

(т. е. за исключен. его философск. произведеній)
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. **ШЕСТЬ (6) руб.**
 ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ—**ДВА (2) р.**, къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го июня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 руб.

Ввиду высокой цѣнности для культурнаго міра творчества Л. Н. Толстого будетъ обращено особенное вниманіе на тщательность печати и изящество внѣшнлаго вида полного собранія его сочиненій.